

ТРОПА, ВЕДУЩАЯ К ДОМУ. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ ОХОТНИЧЬИХ НАРОДОВ?

Владислав Кулемзин, доктор исторических наук

Многие путешественники, миссионеры, исследователи, изыскательские экспедиции и партии прибегали к услугам местных проводников, которые днями, неделями, а иногда и месяцами вели их в нужном направлении. Авторы в своих описаниях выражают удивление по поводу их способности к пространственной ориентации, которая позволяет без карт и компаса безошибочно продвигаться вперед или возвращаться назад - безотносительно к тому, тайга это, тундра или пустыня. Однако этот феномен специально не изучен, поэтому в лучшем случае мы имеем дело с беглым описанием каких-либо событий.

Л.Леви-Брюль, выбрав соответствующие места из работ известных европейских путешественников (Фон-ден-Штейнен, Ливингстон и др.), пришел к выводу о непосредственной связи топографической памяти (так называли эту способность путешественники) с особенностью мышления первобытных народов. К особенностям мышления Леви-Брюль относит память вообще, которая развивается в условиях отсутствия письменности. Однако Леви-Брюль обосновывает свои выводы, игнорируя чрезвычайно важное обстоятельство: сообщения путешественников и их мнения были иногда взаимоисключающими. В одном случае, например, речь идет о том, что аборигены запоминают только после увиденного; в другом утверждается обратное: ребенок, который не выходит за пределы своей деревни, ориентируется во всей своей стране. Много интересного в этом плане дают Сибирь и Север.

В.К. Арсеньев приводит случай, когда трех своих спутников-нанайцев отправил в разведку, и те, покинув бивак утром, ушли в разных направлениях. К вечеру вернулись двое - Геонка и Намука. «После полуночи, словно привидение, из темноты вынырнул Мулинка. Только обитатели лесов способны в темную ночь ходить по тайге и держать нужное направление», - заключает В. Арсеньев.

В. В. Радлов отмечает эту же способность у охотников-алтайцев. «Хотя наш новый проводник оказался в этой местности впервые, следовательно, знал только те горы, которые мы прошли один раз, он все же сумел без всякого компаса в густом лесу взять нужное направление. На второй день он привел нас к цели. На мой вопрос, как он смог найти верный путь, он ответил со смехом: «Места, по которым прошел хоть один раз, я не забуду до конца своей жизни»». С. И. Руденко упоминает двенадцатилетнего мальчика манси с реки Сосьвы, у которого во время охоты на белку кончился порох. Мальчик прошел около ста километров по сплошной тайге, чтобы у своих братьев взять порох.

М.Б. Шатилов приводит краткое описание похода участников экспедиции на реку Кеть к эвенкийскому шаману Шолеулу. Проводником был местный эвенк. М.Б. Шатилов неоднократно спрашивал его, верно ли они идут, не заблудились ли. Судя по описанию, проводника удивляла сама постановка вопроса, почему отвечал он таким образом: «Што ты дурак, пошто мы неверно идем? В лесу, поди, мы али где?» М.Д. Шатилов отмечает, что слова «в лесу, поди, мы» звучали настолько твердо, что всякие сомнения рассеивались. Действительно, проводник привел М.Б. Шатилова со спутниками точно к костру, у которого находился Шолеул.

Н. Доброва-Ядринцева, проводившая экономические исследования в Туруханском крае в 1920-х гг., рассказывает об одном интересном случае. Она показала тунгусам карту Туруханского края, и они стали указывать отсутствующие на карте реки и озера, хотя с трудом понимали по-русски и впервые видели карту. Н. Доброва-Ядринцева здесь же сообщает мнение эвенков о том, что утрата способности к ориентации рассматривается охотниками как признак вымирания народа. Аналогичный случай описывает В.К. Арсеньев. Один из удэгейцев взял палочку и на песке изобразил схематический план местности. В.К. Арсеньев развернул перед ним карту и поразился тому, как быстро охотник-удэгеец освоился с масштабом, сообщив отсутствующие на карте названия. В. К. Арсеньев объяснил «чутье масштаба», как он выразился, обычаем охотников смотреть на местность с вершины горы.

Рокуэлл Кент пытался выяснить некоторые вопросы, связанные с пространственной ориентацией гренландцев. Особенно его занимала способность ориентироваться в условиях сплошной снежной равнины при слабой освещенности или полном ее отсутствии. Р. Кент не ограничился наблюдениями за местными жителями, он провел некоторые эксперименты над собаками, тянувшими нарты и всегда державшими нужное направление. Р. Кент пришел к выводу о значительной роли солнца и ветра как основных ориентиров.

Хотя специальные исследования не проводились, мнение большинства склоняется в пользу того, что данная способность отражает в основном специфику охотничьей культуры; под ее влиянием эта способность развивается и может ослабевать, когда это влияние оказывается недостаточным. И. Берри сформулировал это следующим образом: «Охотничьи народы обладают хорошо развитой способностью к зрительному различению... По мере уменьшения значения охоты навыки зрительного различия и ориентации в пространстве становятся менее выраженными».

В 1960-1970-х годах нами было проведено немало наблюдений среди охотников-хантов. Автор статьи многократно ходил на охоту с проводниками и без таковых, заносил в дневник достойные анализа и размышления случаи. К ним, в частности, можно отнести следующие.

Однажды на реке Вах, во время охоты на белок вместе с К. Прасиным, мы подстрелили несколько глухарей и рябчиков. Вдруг мы обнаружили свежий след чернобурой лисы и пустились в погоню, которая длилась два

дня. Мы петляли по борам, лесотундре, заснеженным болотам, пересекали неведомые мне реки. Чтобы облегчить свою ношу, еще в начале погони нам пришлось спрятать в глубокие снежные ямы отстрелянных птиц. Я был совершенно сбит с толку, не имея никакого представления о месте нахождения. Однако Кузьма обратный путь осуществил по прямой линии, подобрав спрятанных и совершенно занесенных снегом птиц.

В другой раз, на реке Васюган, мы с П.Колмаковым пересекали огромное мелководное озеро (девять километров длиной и два шириной). Случайно за борт лодки упало ружье. Павел предвидел усиление ветра, поэтому поиски отложили до завтра. На следующий день был проделан тот же путь по водной глади. Павел внимательно всматривался в береговые очертания и на небольшом пятачке озера стал ощупывать дно веслом. Ружье было поднято.

Многokrатно я ставил перед охотниками вопрос: сможешь ли ты вернуться в исходную точку, сделав круг в полдня пути? Круг - в день пути? Круг - в три дня пути? Круг - в месяц пути? Каждый охотник утвердительно отвечал на этот вопрос. Однажды с борта вертолета мне пришлось убедиться в достоверности их ответов. Но только один хант - Федор Немчинов с реки Юган - положительно ответил на вопрос, можно ли определить место своего нахождения, если доставлен туда с завязанными глазами самолетом, который не придерживался определенного направления и менял скорость так, что было невозможно ее определить. Все остальные опрошенные ханты дали отрицательный ответ.

О способности ориентировки на огромных расстояниях свидетельствует рассказ о ханте с р. Васюган. В 1940 г. он был приговорен к тюремному заключению и препровожден речным транспортом в Томск, поездом - в Новосибирск, а затем самолетом - в Игарку. Оттуда ему удалось бежать, и он вернулся в свое стойбище, рассказав впоследствии, что шел ровно год, не сворачивая со сразу взятого курса. За время своего путешествия ему пришлось делать три пары лыж и двенадцать лодок. Путь выглядел бы не столь сложным, если бы он умел плавать.

Все мои наблюдения являются основанием для следующих выводов. Ханты одинаково хорошо ориентируются в знакомой и в незнакомой местности. Они всегда сохраняют связь с исходной точкой и возвратиться к ней могут любым путем, но чаще всего делают это по прямой благодаря способности мысленно провести равнодействующую прямую линию. Благодаря наличию локомоторной памяти, ханты могут повторить все отрезки пройденного пути и вернуться к исходному месту именно таким образом: однако практикуется это относительно редко, например, при попытке отыскать случайно утерянную вещь.

Так же редко ханты утрачивают мысленную связь с исходной точкой. В таких случаях они ее пытаются восстановить, схематически вычерчивая маршрут на снегу, песке или золе. Стремление сохранить связь с исходной точкой не сопряжено с нервным, эмоциональным или интеллектуальным напряжением; это естественное состояние человека, выросшего в лесу.

Данная черта формируется в охотничьих культурах и вне ее постепенно ослабевает. Обретя в детстве такую способность, человек сохраняет ее даже в условиях города, правда, в ослабленном виде. Утрата мысленной связи с исходной точкой никогда не вызывает у обитателей лесов чувства панического страха, и причина здесь только в том, что связь скоро будет восстановлена. Заблудившегося человека неохотничьей культуры охватывает чувство страха и даже ужаса; в состоянии психической уравновешенности, когда экстремальная ситуация осталась в прошлом, такой человек точно так же не может восстановить пройденный путь.

В качестве ориентиров хантам служат звезды, солнце, ветер, крупные отдаленные объекты, направления рек, озерная волна, ветви деревьев, муравейники и т.д. Все имеющиеся ориентиры действуют сообща, и исчезновение одного из них или даже нелого ряда не может повлиять отрицательно. Практически не бывает ситуации, когда нет ни одного ориентира.

Способности ориентации существенно помогает родной язык, поскольку названия всех географических объектов отражают их отличительные особенности. Если хант оказался на берегах озера, по форме напоминающего человека, то он знает, что данное озеро есть Ку-эмтор, т.е. человек-озеро; в него впадает Сас-ёган, т.е. река, на берегах которой много следов горностаея (Горностаевова река), а в истоках этой реки находится хантыйское стойбище.

В традиционных культурах мировоззрение человека связано с представлением о сторонах горизонта, и сам человек есть маленькая копия Вселенной. У человека имеется запад (левая сторона), восток (правая сторона), голова - верхний мир, ноги - нижний мир. Существует большое количество примет, обычаев, обрядовых действий, загадок и пр. о связях человека с верхним и нижним мирами, сторонами горизонта. У хантов, например, падение головой в восточную сторону, предвещало скорое выздоровление, в западную - длительную болезнь. По представлениям хантов, восточная сторона - добрая, там обитают добрые духи, оттуда с лучом солнца всеобщая мать посылает детям души; западная сторона, напротив, не считается доброй, так как туда прячется солнце, там обитают духи - носители болезни. Ханты умерших хоронили головой на север, живые ложились спать наоборот - головой на юг.

По нашим наблюдениям, жизнь в традиционной культуре с детства до глубокой старости связана с окружающим миром, ближними и дальними природными объектами, звездами, светилами, сторонами горизонта. Человек не ощущал тяжести этих воззрений, жил ими, являясь одновременно частью вселенной. В таких условиях уже объективно он не мог ориентироваться плохо. Кстати сказать, сами ханты полагают, что эвенки ориентируются еще лучше, и причину этого видят в кочевом образе жизни.

В данной статье мною скорее была поставлена проблема, чем предложены пути ее решения. Современный уровень науки требует

применения других, более совершенных методов исследования. Хотелось бы надеяться на их продолжение.

***Кулемзин В. Тропа, ведущая к дому. Что мы знаем
о пространственной ориентации охотничьих народов?
// Ямальский меридиан. – 1998. — №3. – -С. 58-59.***